

ГАМБУРГСКИЙ СЧЕТ

Ведь и дедушка Андрея, Исаак Сеплярский, выходец из донецких грузчиков, стал первым директором большой швейной фабрики в Тирасполе. Он построил с нуля, а затем возглавил швейно-обувной комбинат в Бендерах, был членом Верховного Совета Молдавской ССР и гордился тем, что работал под началом руководителей страны: Алексея Косыгина и Леонида Брежнева, и лично был с ними знаком.

Родной дядя моего визави, брат отца, Владимир Сеплярский, заядлый книголюб и путешественник, всю свою жизнь проработал учителем физики. Заслуженный учитель Украины, лауреат Соросовской премии, он в течение восемнадцати лет возглавлял отделение школы «Хабад». Именно с дядиной подачи и отправили Андрея на учебу в Израиль. Здесь, в Израиле, в сельскохозяйственном интернате, Андрей прожил с 14-ти до 17-ти лет, закончив там «двенадцатилетку».

Интернат, в котором на полном самообеспечении проживало триста детей со всего мира, был построен аргентинскими женщинами-сионистками. Там находился курятник, в котором выращивалось 15 тысяч бройлеров, овчарня на 6 отар, коровник и конюшня. Дети сочетали учебу в школе с трудом на ферме.

— Так что я прекрасно умею доить коров и овец, и ездить на лошадях, — смеется Андрей Евгеньевич. — Ферма наша

была механизированная, — продолжает он, — коров доили электродоилками. Когда мой отец узнал о количестве надоев, то пошутил, что в СССР за это присвоили бы звание Героя.

Затем А. Сеплярский поступает в хайфский «Технион» — один из лучших технологических вузов мира. Но вскоре возвращается в Одессу — из романтических побуждений, чтобы поднимать страну. К тому времени он уже работал на фирме «Харрисон-транс-сервис», которую возглавлял известный в Одессе бизнесмен и драматург Александр Мардань. В начале двухтысячных снова переезд: в Германию, в огромный портовый город Гамбург. Опыт самостоятельной жизни в Израиле и работа на крупном предприятии в Одессе, а также знание иврита, немецкого, английского и польского языков позволяют ему быстро адаптироваться в незнакомой среде. За короткий срок он делает стремительную карьеру — от рядового сотрудника до руководителя крупного логистического предприятия в гамбургском порту. А в 2016 году молодой управленец получает лестное предложение от президента компании Салмана Янда возглавить его предприятие «Ильичевсквнешнстрас», в городе Ильичевске (ныне Черноморске), в 12 км от Одессы.

К тому времени Андрей Евгеньевич в связи с болезнью отца длительный период

находился в Одессе и после его смерти решает остаться здесь навсегда.

— И в Израиле, и в Германии моя душа лежала к Одессе, видимо, это моя любовь на всю жизнь. И эта моя любовь стоила мне семейной жизни. Обе бывшие жены, каждая из которых родила мне по дочке, поменять устроенную жизнь в Гамбурге на жизнь в Одессе не решились, — грустно улыбается мой собеседник.

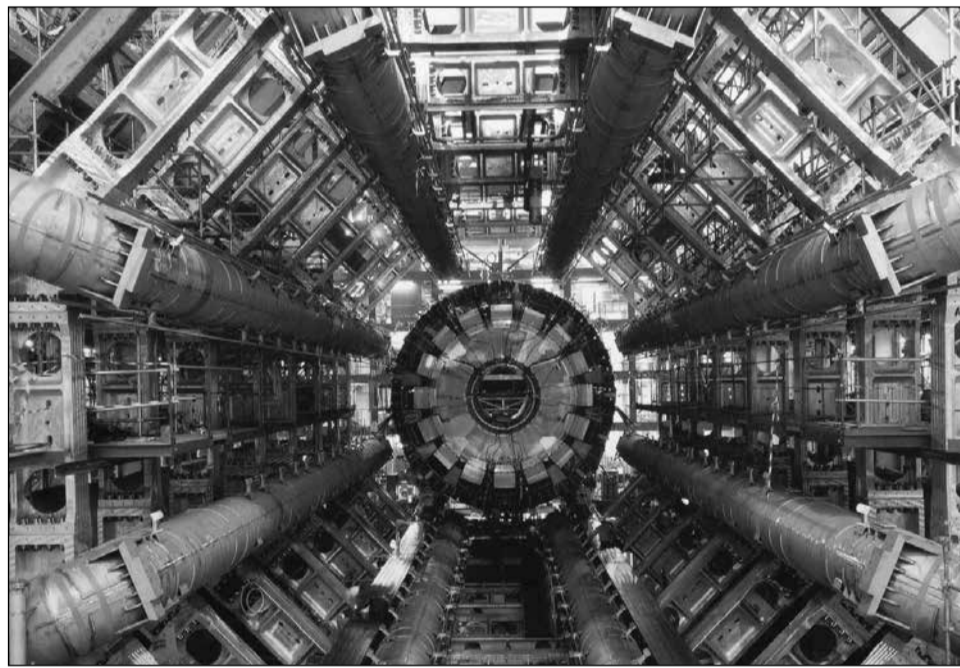
Впрочем, и самому Сеплярскому, несмотря на всю его жизненную закалку, поначалу пришлось очень тяжело, потому как работа в Гамбургском порту разительно отличалась от новой работы в Черноморске.

— Помогли справиться с трудностями поддержка коллектива и внимание руководства, — говорит он.

— Я быстро полюбил это предприятие, его людей, и большую часть своего времени нахожусь здесь. Сейчас мы внедряем инновационные технологии обработки новых видов грузов. Хотим поднять уровень работы нашего предприятия на высоту Гамбургского порта.

Будем верить, что новая генерация руководителей — а к ней несомненно принадлежит и Андрей Сеплярский — сумеет развязать самый сложный узел наших экономических проблем и поднять экономику страны до европейского уровня. ♦

Юрий Овтин

Борис Блюхер защитил докторскую в Москве, в совете, возглавляемом «отцом» советской кибернетики, легендарным Акселем Бергом. В США участвовал в строительстве супер-коллайдера в Техасе (задолго до Женевского ЦЕРН). Выводил в большую мировую науку проекты ученых постсоветских стран. Но началось все в его жизни — в Одессе. Здесь Борис Григорьевич родился. Здесь получил диплом в политехе. Здесь мы беседуем с ним во Всемирном клубе одесситов.

— Борис Григорьевич, у вас громкая и славная фамилия. Как принято в Одессе, немедленно хочется спросить — Блюхер вам не родственник?

— О предках до дедушки не знаю ничего. Когда-то они приехали в страну из Германии. Шесть лет назад я читал лекции в немецком университете Гумбольдта. И там одна журналистка заметила: «Доктор Блюхер, ваша фамилия абсолютно совпадает с фамилией фельдмаршала

Блюхера, который победил Наполеона при Ватерлоо. Фельдмаршал Блюхер был командующим объединенных сил Англии, Пруссии и России. У нас стоит памятник недалеко от Бранденбургских ворот этому Блюхеру. А вы не имеете к нему отношения?» Я говорю — никакого, так же, как и к советскому маршалу Блюхеру.

— В Одессе вы получили диплом политеха. Как с одесским дипломом вы смогли стать активным участником научных процессов в США?

— Да, в Одессе я закончил политехнический институт и благодарен до конца жизни за образование. Но закончил аспирантуру и докторантуру не здесь. Начал свою деятельность в Москве, под руководством Акселя Ивановича Берга — это отец радиолокации в Советском Союзе. Он сидел в сталинском ГУЛАГе. Аксель Иванович очень любил Одессу. Он был светлейший, умнейший и чистейший человек. Много мне помог. Я работал над такими вопросами, как надежность и безопасность больших систем, ключевое сло-

СУПЕР-КОЛЛАЙДЕР

во здесь — надежность. Этим тогда занимался институт по кибернетике.

— В не самые светлые для отечественной науки времена было выражение «генетика — продажная девка империализма». Кибернетика избежала этой участи?

— Аксель Иванович рассказывал на одном из совещаний, как родился институт кибернетики. Во время войны немцы стали топить на севере подводные лодки. Сталину это надоело, и он велел решить вопрос.

— Кто вообще этим занимается?!

— Это область радиолокации, обнаружительных приборов. Занимается этим Аксель Берг.

— Пригласить на совещание!

— А он сидит. Там-то.

— Отпустить! Дать институт!

И вот с этого началась не просто радиолокация, а целое кибернетическое направление.

— В США вы продолжили работу в этом направлении?

— Переехав в США, я стал работать в NASA. Это организация, которая занимается космическими проектами, исследованиями. Меня направили на работу в 1991-1993, на строительство супер-коллайдера в Соединенных Штатах. То, что сейчас построили европейцы, не идет ни в какое сравнение по масштабам. Диаметр европейских ускорителей атомных частиц — около 4-5 км. Коллайдер в Техасе, на котором я работал, который мы строили — 56 км в диаметре! Это целый город в городе. Это колоссальнейший проект. У нас работало одиннадцать нобелевских лауреатов по физике.

— 11 нобелевских лауреатов! Даже представить трудно мощь этого интеллектуального потенциала!

— Там были собраны не только американские физики, инженеры, программисты, но, я бы сказал, умы мирового уровня. Это исследование стоило более 50 млрд. долларов. Миллиардов! В те годы это было все равно, что сейчас 200-300 млрд. Это больше, чем бюджеты некоторых стран, вместе взятых. Это очень большой проект. Было потрачено уже около 20 миллиардов к тому времени. Проект был инициирован американскими физиками и теми, кто занимается атомной энергией. Патронировал проект президент США Буш — старший. Он был в Америке favoriteson (любимый сын). Сам техасец, он пролоббировал проект для Техаса. Пока был Буш, проект оставался. А демократическая партия (демократы) давно хотела его закрыть из-за большого бюджета и пустить эти деньги на социальные нужды. Каждый год проходило голосование в Конгрессе США и в Сенате. О результатах этого голосования можно было узнать, встретив на паркинге ученых из Новосибирска, из Протвино. Если лицо розовощекое, улыбка, — значит, утвердили, продолжаем. Если лицо зеленое — проголосовали против. Вот этих зеленых лиц я насмотрелся много, они ведь не были гражданами Соединенных Штатов, работали по контракту. Когда Буш проиграл выборы Клинтону, пришла новая администрация, с новыми приоритетами. В результате проект закрыли. Termination. Я перешел работать в университет. Но, работая на коллайдере, мы изучили все, что было сделано ранее. Всегда, если хотите строить что-то уникальное, новое, вы должны изучить сделанное до вас. Небольшие коллайдеры, в сравнении с тем, что мы строили в США, были в Штутгарте, в Йокогаме, в Англии, в Шанхае, в России.

Слушать Марину Жуковскую можно бесконечно. Она завораживает тембром голоса, обаянием, присущим телеведущему, и той удивительной профессиональной манерой, которая воспринята Мариной от ее наставницы, от легендарного диктора Нелли Харченко. О пути в профессию и жизни в ней беседем с директором телеканала «Одесса» Мариной Жуковской.

— С детства для меня удивительными были дикторы советского телевидения. Волшебство, связанное с манерой произнесения текста, с выразительностью, с грамотностью, внешним видом... Поэтому я с детства мечтала объявлять. Где угодно: даже в трамвае или на вокзале, когда поезд приходит. В педагогическом училище, где я училась, меня выбрали в агитбригаду. В праздничные дни в трамвае мы разъезжали по улицам города и с открытой трамвайной площадки давали концерты.

Информационное пространство Одессы создают многие профессионалы. Город отражается в эфирах телеканалов и радиостанций, в газетах, в стремительных публикациях интернет-ресурсов. Рубрика «Медиа-персона» представит тех, кто создает городскую информационную среду.

КОДЕКС ДОВЕРИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ

— Так начала сбываться детская мечта?

— Там я познакомилась с замечательными актерами. Семен Самуилович Крупник, Сатосова Людмила Ивановна — весь театральный цвет, бомонд. Эти творческие команды зачастую собирала Анна Семеновна Чернобродская, наш заслуженный режиссер. В определенный момент мне, совсем юной, стали доставаться заметные роли. Потом в моей жизни возникла студия киноактера. Параллельно я работала в Одесском театре мод, ведущей программ. Его спектакли знакомили с Одессой через моду, наряды от одесских модельеров. Театр находился на Фрунзе (теперь Балковская), успешно работал, много иностранцев посещало спектакли. Потом одному из первых частных телеканалов (он назывался «Привоз») понадобилась ведущая. И ею стала я.

— Марина, от неслучайной удачи, подготовленной опытом и желанием, прошло некоторое количество времени. Ты директор телеканала «Одесса» и ведущая популярных программ. Ты больше функционер или творческий человек?

— Мне кажется, что это хорошее сочетание. Баланс позволяет работать быстрее, потому что ты понимаешь, сколько это все стоит, и что для этого нужно. Вообще, я люблю ставить цель, разрабатывать определенные планы и двигаться вперед.

— Из программ, которые производит компания, какие для тебя самые дорогие?

— Любимый жанр — интервью. Мне нравится устанавливать контакт с гостем, нравится распознавать его: что стоит за внешней стороной того, что хочет он показать? Мне кажется, я умею это делать. Получаю несказанное удовольствие, когда человек себя показывает с лучшей стороны, а я всячески этому способствую. У нас выходит интересный и даже острый разговор. Но стараюсь это делать, не обижая гостя.

— Ежедневный выход в эфир для тебя это тонус? Или рутинка?

— В интервью одной ведущей прозвучало, что работать можно, когда у тебя есть энергия, которую можешь отдать. Я четко понимаю: если есть чем поделиться со зрителем, и энергетически, и нрав-

ственно, и интеллектуально, тогда это становится обоюдным удовольствием.

— Твоя авторская программа «Сердце, отданное людям» посвящена историческим персонам прошлого. Как возникает тема?

— Я делаю эту программу на 7-м канале и рада тому, что у меня есть замечательные технические возможности и поддержка руководства канала. Нам кажется важным в такое время рассказывать о людях с большой буквы. Показать, как формировался герой программы, какие проходил сложные ситуации. Как выбрал и отстоял жизненную позицию. Эти примеры дают огромную надежду. Мне интересно, когда из огромного объема видеоматериала получается кристалл. Кроме программы, доводилось делать и документальное кино. Фильм «Время госпиталя» мы делали в группе коллег: объединение «Дольче Велле» проводило семинар, по итогам которого снимали и представляли фильм на фестивале документального кино в Германии.

Продолжение на стр. 12

И ОДЕССИТ БОРИС БЛЮХЕР

— Борис Григорьевич, какие предметы вы преподаете в вузах?

— Я веду семинары для РНД-студентов — т.е. аспирантов. Если ты являешься научным руководителем одного аспиранта — это эквивалент прочитанного курса. Предмет связан с вопросами безопасности. Называется Security и Safety, то, над чем когда-то смеялись в Советском Союзе, когда мы работали на заводах. Называлось «охрана труда». В Америке это одна из главных тем, включая вопросы судов. Безопасность специалиста в командной работе большого проекта — это уже не только его личное дело. Мы занимаемся и охраной окружающей среды, так называемыми токсичными материалами, работаем с радиоактивными материалами. То есть, не только безопасность для лиц и компании, но и безопасность на рабочем месте. В этих вопросах я сотрудничал с одесским профессором Альфредом Цикало и другими учеными.

— Что бы вы назвали сегодня трендом в научном поле, которым занимаетесь? Трендом, который будет полезен миру?

— Вопросам безопасности и охраны труда, будем говорить старыми терминами, в США уделяется очень большое внимание. Существует правительственная организация, которая занимается стандартами, технологиями в этой области. Развитие мощнейшей тенденции в этой области я чувствую даже по своим студентам и слушателям. Раньше это были в основном технари — те, кто занимается вопросами обеспечения безопасности на рабочем месте. Сейчас во многих странах (а я читаю в Индии, в Китае, в Австралии), среди слушателей и студентов, которые платят деньги за этот курс — много адвокатов. Выступая в судах и готовя дела по

травмам, по отравлениям токсическими материалами, по заболеваниям, связанным с радиоактивными материалами, они должны быть в теме.

— На ваш взгляд, сегодня у Одессы есть научный потенциал?

— Безусловно. В 1994-95 году, когда я только начал работать в НАТО, меня назначили собирать значимые проекты, нужные для науки, мировой индустрии, из новых стран бывшего соцлагеря. Я занимался этими проектами как научный чиновник, работая с экспертами в разных областях. Тогда из Украины, из моего родного города, ни одного проекта не было. Я сказал своим коллегам и начальству, что в Украине, в Одессе, где я вырос, есть очень сильные научные школы. Выделите средства, пусть не много, 200-300 тысяч евро. Я хочу приехать в свой город, рассказать об этих программах в разных университетах. Тогда было сложное время, наука никому не была нужна, и уровень проектов был достаточно низким. Похвастаться особо за тот период нечем, но сложилось несколько проектов по Харьковскому институту низких температур, Киевскому авиационному, еще каким-то. А в родном городе, несмотря на мое лоббирование, тогда представляли проекты недостаточно высокого концептуального уровня. Цена новых приборов на Западе, особенно в Америке, не особенно интересуют. Сделать дешевле какой-то прибор — не значит, лучше. Интересен новый шаг, прорыв.

— Сохраняет ли ваша семья связь с городом вашей юности?

— В связи с преподавательской работой, 85% моей жизни в Соединенных Штатах в проходило за пределами США. Моей дочке Нэнси — 30, и я уже чувствую, что на протяжении многих лет недостаточно

уделял ей внимания. Единственный раз в Одессе она побывала в три годика. И русским языком не владеет. А вот мой сын Леон до сих пор в курсе одесской жизни. Он — вице-президент в компьютерной фирме в Сан-Франциско. Здесь есть несколько программистов, работающих на него, получающих американскую зарплату, и он очень доволен ими. Он любит и одесский юмор, и одесских писателей, и кавезнщиков.

— Когда вы бываете в Одессе, какие места для вас значимы? Обязательны к посещению?

— Сейчас я приехал вне своего дипломатического статуса, с частным визитом. Нужно кладбище посещать периодически, могилы смотреть. Подновить, подкрасить — их, к сожалению, достаточно много, притом на разных кладбищах. Несмотря на это печальное обстоятельство, я всегда с удовольствием приезжаю. В городе достаточно интересных людей, которые не уехали. И многих из них я встретил здесь, в клубе одесситов, куда попал впервые. Я много лет дружу с выдающимся одесским ученым и писателем Александром Дорошенко, он меня в клуб и привел. У него вышел четырехтомник, который называется «Моя Одесса». Очень глубокие исследования в области архитектуры; и прекрасный двухтомник «Сентиментальное путешествие». Раньше во время своих визитов я посещал синагоги. Синагоги дали список нуждающихся. У нас более 40 семей, которым мы, я и группа моих друзей-американцев, помогаем.

— Борис Григорьевич, что вы отметили в этот визит в Одессу? Что порадовало? Что, может быть, заставило отвернуться?

— Радует наш особенный город. Сохранять Оперный театр, Потемкинскую лест-

ницу, архитектурные здания — это долг одесситов и Украины как государства. А вот торговые центры, бетон/стекло... Я бы, конечно, не хотел себя чувствовать в своем родном городе, как в Манхэттене, ходить между зданиями-небоскребами. Небоскребы — это хорошо для городов, не имеющих такой истории, как Одесса. Порадовал глаз Стамбульский парк. Раньше это были заросли какие-то, даже смотреть было противно. Радует ухоженность некоторых исторических мест. На Молдаванке многие районы можно сделать лучше. Возможно, со временем? Главное — мне бы хотелось, чтобы мир настал во всех отношениях. Чтобы Украина в полной мере стала Европой с ее атрибутами: демократией, парламентаризмом; коррупцией, близкой к нулю. Мечтаю, чтобы мой родной город и страна Украина когда-нибудь к этому пришли. Ведь потенциально — народ, ресурсы, сельское хозяйство — это богатейшая страна.

— По традиции газеты, в завершение интервью — ваша любимая цитата из Жванецкого (президента Всемирного клуба одесситов)?

— Одно неловкое движение, и ты отец!

Беседовала Алла Гудзенко